

Комс. правда. - 1992. - 11 Дек.

Человек, который сказал «Го-о-ол!»

Сегодня
народному
артисту
России
Николаю
Озерову
исполняется
70 лет

Николай Озеров. Народный артист России — удостоен этого звания за ведение спортивных репортажей по радио и телевидению. Лауреат Государственной премии. На прошлой неделе награжден орденом Дружбы народов. Да что там звали — творчество Озерова вошло «в народ», и знаменитый его радостный возглас «Го-о-ол!», и фраза «Такой хоккей нам не нужен» — они давно стали крылатыми. Сейчас он — чиновник (в неиспорченном смысле этого слова), председатель общества «Спартак».

«Интервью с Озеровым» — это немного натакнуто: он сам привлекать брать интервью. А вот дать ему возможность рассказать что-либо из своей жизни — это куда интересней. Вот мы и решили разговор наш представить маленькими рассказчиками — «от Озерова». Есть же галстуки «от Кардена» или анекдоты «от Никулина». Послушаем самого Николая Николаевича.

Что было

Моя жизнь — это театр, телевидение, радио, кино, эстрада и спорт. Но, чем бы я ни занимался, главное в моей жизни — спорт.

45 раз я был чемпионом Советского Союза по теннису — с 1940 по 1953 год. Почему так много? Потому что раньше разыгрывалось шесть медалей в год — три зимой, три летом. А я играл в одиночном, парном и смешанном разрядах.

В театре — во МХАТе — я сыграл свыше 20 ролей. «Школа злословия», «Домби и сын», «Пиквикский клуб», «Синяя птица», «Разлом», «Победители», «Офицер флота»... Снялся в 13 художественных фильмах. Вел репортажи из 49 стран мира. 12 раз пересекал экватор...

Мне действительно повезло: жизнь у меня была интересная. Сейчас, помимо работы в «Спартаке», у меня еще есть студия, она так и называется — радиостудия «Николай Озеров». Каждые понедельник, среду и пятницу мы выходим утром в эфир по первому российскому каналу. Наша передача — не чисто спортивная, она о личностях. У нас выступают яркие люди искусства, науки, культуры, спорта.

Артист или спортсмен?

Случались у меня эпизоды, когда одно мешало другому. Помню, я играл финал первенства Союза в смешанном разряде — в Москве, на стадионе «Динамо». Корт было всего два, и финальный матч задержался часа на три. Мои противники знали, что вече-

ром во МХАТе у меня спектакль — «Последние дни» по Булгакову, и я должен в половине десятого быть в театре. Мой друг и соперник по финалу Негребецкий еле-еле ходил по корту, собирал мячи, зная, что я опаздываю. А мы выиграть не можем — и проиграть тоже не можем. Партнерше моей — Зинаиде Георгиевне Ключковой — я сказал: «Зика, если мы сейчас не выиграем, я должен проиграть, иначе опоздаю в театр. А я не имею права опаздывать».

Мы проиграли, и я умчался на спектакль, успел, сыграл... А на следующее утро в театре висел приказ: «Поставить Озерову на вид, поскольку он пришел не в половине десятого, а в 9.35, к третьему звонку»...

В пьесе-сказке Метерлинка «Синяя птица» я играл роль Хлеба. Я носил в спектакле ватные «толщинки» весом в пуд. За спектакль я терял полтора килограмма. Для спортсмена это не так плохо, но только не перед финальным матчем первенства страны. А я выступал в спектакле, бежал на теннис, играл — и выигрывал. Кстате, опять в матче с Негребецким.

Драмкружок, кружок по фото...

Я начал «совмещать» еще со школы: когда у всех каникулы — я играю в теннис. Потом поступил в институт: у всех каникулы — я играю в теннис. Потом работал в театре: у всех отпуск — я играю в теннис. Затем стал комментатором... Одно время был в трех штатах. Умолял освободить меня хоть от одной работы: «Меня же арестовать могут — в трех местах зарплату получаю одновременно». Мне давали стипендию как теннисисту. Я работал в театре и, наконец, на радио — меня перетасили сюда, когда проводился 1 Спартакиада народов СССР.

Затем, волей-неволей, я ушел в штат радио, а в театре остался играть все свои роли — так сказать, «на общественных началах». Спектакли постепенно сходили, но остались «Синяя птица» и «Старый Новый год», где я продолжал играть до последнего.

...Мой отец — известный оперный певец Большого театра Николай Озеров. В детстве я мечтал петь, как папа. Не получилось. Зато в драматическое искусство попал. Когда я окончил институт, меня пригласили четыре московских театра. Я выбрал МХАТ. Экзамен у меня принимал великий русский актер Николай Павлович Хмелев.

Футбольная карьера

Я играл за первую команду «Спартака» нападающим, много забивал. (Первая команда — тогда не значила «команда мастеров», она играла на первенство Москвы). И вот я пришел на доигровку матча чемпионата Москвы, а в 6 часов вечера должен был играть на экзамене перед Хмелевым сцену из спектакля Шеридана «Соперники». Решил отказаться от игры: как же я пойду во МХАТ держать экзамен после такого матча. «Коля, заменишь некем, — сказали мне тренеры. — Ты хоть стань на край, возьми на себя защитника». Согласился... Проходил я первые 45 минут вместе с защитником команды соперников, анекдоты мы друг другу рассказывали. И вдруг — назначают в их ворота пенальти. А пенальти все время бил я. И не знаю, волновался я, что ли, перед экзаменом, но промахнулся. А тут и нам забил. На перерыв ушли, проигрывая 0:1. Никто меня не ругал, но я-то понял, что кругом виноват. И второй тайм сыграл так, как умел, — забил гол. Мы сыграли вничью, и тут же, в раздевалке, третий тренер московского «Спартака» Сотников предложил мне перейти в команду мастеров.

Так что в один день я мог стать и артистом, и футболистом. Но я выбрал театр. Успел на экзамен к Хмелеву, сыграл сцену из «Соперников», и меня с Тумановым (ныне он — народный артист России) приняли во МХАТ.

Озеров играет Озерова

В кино пришел сначала не я сам, а мой голос. Я очень много озвучивал различных картин, потом мне надоело это трудное и не очень приятное дело. Хотел бросить... Но режиссер Садовский из Ленинграда все же уговорил меня, приехал в Москву, и я озвучил его картину «Золото высоких Татр». Фильм получил первую премию. Виктор Александрович посчитал, что это я ему принес удачу, и, сделав художественный фильм «Ход белой королевы», на роль журналиста пригласил меня. В главной роли был занят Кирилл Лавров — он играл тренера, а я — его друга.

По ходу фильма моего персонажа убивают. Вышла картина, и посыпались вопросы зрителей: «Правда ли, Озеров был убит? Правда ли, что его, тяжело раненного, везли на лыжах по этой Дороге жизни?» И тогда Садовский придумал: он стал приглашать меня в художественные фильмы, где все действующие лица были вымышлены, а Озеров играл Озерова. Я снялся в роли Озерова, который был другом тренера сборной СССР по футболу (его играл Анатолий Папанов) — в фильме «Одиннадцать надежд». Так было и в следующих картинах.

«Изменил» я Садовскому только со своим братом, кинорежиссером — он у меня народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственной премии. Он делал официальный фильм об Олимпиаде в Москве — «О спорт, ты — мир!». Я снялся в нем и ни секунды не жалею, потому что оказался в составе восьмичеловек, удостоенных лауреатского звания.

Говорит и показывает Москва

29 августа 1950 года я провел свой первый репортаж.

Но мои репортажи не только о спорте. Я встречал знаменитого итальянского певца Марио Дель Монако, разговаривал с ним и четыре часа в студии наслаждался, пока его записывали. Я делал репортаж, когда Александр Александрович Вишневский производил операцию на сердце — я был буквально в пяти шагах от девушки, которой делали эту операцию. А через пять дней мы записывали уже эту девушку, благодарившую Вишневского за то, что он спас ей жизнь.

Репортажи о всех самых главных событиях в спорте я начинал передавать вместе с Синявским. Транслировали теннис, бокс, легкую атлетику, греблю. Но больше всего я любил футбол и хоккей.

Не считаю, что в спортивных репортажах должна присутствовать какая-то особая специфика — это скучно. Не нужно пожилой женщине, которая смотрит футбол, знать, какой пяткой и в какой угол был забит гол. По-моему, чем больше эмоций, тем лучше. Я всегда считал, считаю, что спорт — это праздник, и, включив телевизор или радио, человек должен ощущать этот праздник, а не слушать умирающий голос, который читает составы команд. Не случайно мы так тянемся к южноамериканским комментаторам. Этот «Го-о-ол!» ведь не я придумал, как некоторые думают, а южноамериканские комментаторы. Они тянут ноту на дыхании десятки секунд, а часами это слушал и учился у них. Это искусство...

Раньше было очень сложно выйти в эфир. Сейчас можно выпустить любого, и всем наплевать, что он говорит слово «начать». Наши ведущие дикторы на всю страну говорят такие безграмотные вещи, ставят такие ударения, которые легко исправляются — стоит только немного поучиться — почитать, узнать, позвонить, скажем, Валентине Леонтьевой или Ольге Высоцкой. Я в свое время звонил Левитану из-за границы: «Юра, как произносится такое-то слово?». И мне не было стыдно: никто не может знать всё.

И когда я слышу, как уважаемая дикторша, известная на всю страну, говорит «включишь»... Она мне очень нравилась, а сейчас я к ней охладел.

Что будет

На хоккей я хожу по-прежнему, но все-таки реже — хоккей сейчас менее интересен, чем раньше. А вот на футболе бываю чаще, даже не глядя на то, кто играет — «Спартак», например, или нет. Театры тоже посещаю. К сожалению, свой реже всего — из-за неудобных лесенок.

К сожалению, я не могу сейчас делать многое из того, что делал раньше, — ноги не те. Если меня возят — я работаю, езжу на футбол и в театр. Если на машине за мной не могут приехать — я на стадион уже не рискну подняться и сходить никуда не могу.

Какие планы? Прежде всего «Спартак». Надо провести много соревнований — в основном, детских. Приглашают меня на остров Мирный съездить с концертами. Может, буду опять сниматься в кино у Садовского. Но это все разговоры дальние. Позволит ли здоровье?

Записал
Д. ФИЛИПЧЕНКО.
Фото О. КОРОЛЕВА.